

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(доклады и сообщения по арабистике)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1978

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АРАБСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

Генеалогические предания представляют одну из древнейших форм выражения исторического самосознания в обществе с родо-племенной организацией. Историческое мышление в таком обществе не шло дальше перечня поколений предков, а также воспоминаний о событиях, связанных с прошлым племени, и о главных героях этих событий. Эти перечни и воспоминания формировали историческое самосознание, которое на этом этапе развития древнеаравийского общества совпадало с этническим. Воспоминания о событиях и героях племени присутствуют во всех видах устной словесности Аравии — в поэзии, в речах вождей и племенных ораторов, в пословицах и поговорках и т.д. Однако прямым и непосредственным по содержанию и общественной функции выражением исторического сознания и главной формой исторической традиции кочевого и полукочевого населения доисламской Аравии были перечни предков и сопровождавшие их рассказы, выполнявшие роль исторического комментария.

Сочетание родословий (ансаб) и рассказов (ахбар) осталось и впоследствии характерной формой историко-генеалогического предания. В них аккумулировался исторический опыт отдельного кровно-родственного коллектива, выражалось представление о его прошлом и о его связи с ним, а тем самым — его самосознание как самостоятельной и суверенной человеческой общности. Утрата этих знаний была свидетельством гибели, распада или поглощения этой общности другой, более крупной или могущественной. Достаточно известны случаи, когда какой-нибудь род или ослабевшее племя переходили под покровительство другого племени и начинали не только поклоняться его богам, но и принимали его самоназвание и передавали, как свое собственное, его племенное предание.

Историко-генеалогическое предание черпало свой материал также и из других видов устной словесности и в свою очередь служило для них источником информации и вдохновения. Здесь следует подчеркнуть, что формирование исторического самосознания было результатом духовной деятельности всего коллектива, что поэты, умудренные жизненным опытом хакимы — судьи, племенные вожди, ораторы и рави-передатчики поэзии были не только носителями истори-

ческого самосознания, но они сами участвовали в его создании, формулировали идеи и оценки, вбирали и перерабатывали исторический опыт своего коллектива. Однако поскольку представление о прошлом ассоциировалось с воспоминаниями о поколениях предков и о событиях, пережитых данным кровно-родственным коллективом, сохранение исторического самосознания было главным и прямым содержанием деятельности знатоков родословий и историко-генеалогического предания этого коллектива.

Источники позволяют выделить два главных аспекта общественной функции генеалогических знаний, рассмотрение которых приводит к пониманию специфики возникновения арабской генеалогии как науки. С одной стороны, знания родословий и отношений родства были необходимы для определения места отдельного человека, семьи, рода и т.п. внутри замкнутого кровно-родственного коллектива. На эти знания опирались при осуществлении кровной мести, при заключении мира между враждующими сторонами или при создании племенного союза и, наконец, при предоставлении защиты, оказании гостеприимства или покровительства отдельному лицу или коллективу. В них нуждались племенные судьи-арбитры, в обязанности которых входило регулировать взаимоотношения в беспокойном бедуинском мире.¹ В этом состояло прямое назначение такого рода знаний. И в этой роли они сохраняют свое значение до сего дня среди кочевого и полукочевого арабского населения.

Более широкую общественную функцию выполняли эти знания у тех лиц, которые по своему положению были выразителями политических интересов племени и его идеологии, то есть у вождей, ораторов, поэтов, судей и т.п. Они должны были знать родословия и отношения родства не только в своем племени, но также и в соседних. Для них эти знания были оружием, аргументом в социальной борьбе внутри племени и в межплеменных отношениях, средством самоутверждения племени в глазах друзей и врагов (обычно это делалось во время так наз. муфахара и мунафара). И если в первой функции генеалогических знаний смысл имели прежде всего реальные родословия, то во второй функции главным было не столько их реальность сама по себе, сколько их соответствие социальным и политическим устремлениям вождей, ораторов, поэтов племени. В пылу аргументации они могли допускать натяжки и преувеличения, оперировать легендарным материалом фольклора и т.д.

Именно в этой своей второй функции, открытые для тенденциозных изменений, дополнений и прямых фальсификаций, знания родо-

словий и историко-генеалогического предания развивались в дальнейшем как часть племенного предания, пока во второй половине УП в. они не выделялись в особую отрасль формирующейся исторической науки раннего мусульманского общества. Этот материал был собран и зафиксирован собирателями-эрудитами VIII-IX вв. и позднее включен в состав исторических трудов в качестве повествования о предьстории арабов.

Как и следовало ожидать, фальсификации подверглись прежде всего верхние звенья генеалогических рядов, включавшие "первочеловеков" (Адам, Ной и т.д.), легендарных прародителей арабов, родословия так наз. "исчезнувших" народов (Ад, Самуд, Джурхум и др.) и, наконец, эпонимов арабских племен. Этих сведений не было в бедуинских родословиях и для заполнения пробела, а также для соединения родословий отдельных племен и племенных групп между собой в единое генеалогическое древо арабов, как единой этно-политической общности, были созданы эти генеалогические фикции и подтверждающие их стихи и предания.²

Главная роль в создании этих фикций и связанного с ними прозаического и стихотворного предания принадлежит мусульманам-обращенцам из иудеев и христиан, а также первым мусульманским экзегетам в Медине и в Мекке и бродячим проповедникам новой веры - кассам.³

Нам известны теперь имена нескольких десятков знатоков родословий и первых профессиональных генеалогов УП - начала УШ вв. Относительно достоверные сведения имеются только о тех, которые дожили по крайней мере до середины УП в. и чьи сообщения попали в поле зрения собирателей и кодификаторов племенного предания.

Наиболее ранняя попытка систематизации сведений о первых знатоках родословий принадлежит ал-Асма'и (жил в 123/740-217/832 гг.)⁴ Из всей массы бедуинских генеалогов УП в. он выделил шесть наиболее прославившихся. Это - Дагфал б.Ханзала ал-Бакри, ан-Наххар ал-'Узри, Ибн ал-Киррийа, Субайх ат-Та'и, Абу Дамдам ал-Бакри и Зайд Ибн ал-Каййис ан-Намири. Пока еще трудно судить, насколько субъективен или случаен этот перечень. Можно, однако, сказать, что большинство имен, названных ал-Асма'и, встречается в стихах поэтов первой половины УП - нач.УШ вв., которые прославляют их как выдающихся племенных генеалогов, знатоков предания, авторитетных судей и ораторов.

Перечень ал-Асма'и подтверждает и ал-Джахиз (ум.255/868 г.), которого следовало бы считать первым историком арабской генеало-

гии. Повторяя те же имена, ал-Джахиз добавляет к ним несколько новых, продолжив перечень именами знаменитых генеалогов второй половины УП – первой половины IX в.⁵ Сведениями ал-Джахиза позднее воспользовались Ибн Кутайба⁶ и Ибн ан-Надим,⁷ а эти последние в свою очередь явились источниками для европейских обзоров ранней арабской историографии.⁸

Даже для бурного УП в., когда не было недостатка в динамичных и колоритных людях, бедуинские знатоки родословий представляли собою чрезвычайно своеобразную и по-своему яркую категорию первых мусульман. Они воплощали в себе наиболее характерные черты уходящего в прошлое общества джахилийи. Это были патриоты своих племен, воины и политики. Большинство из них обладало феноменальной памятью и ярким ораторским, а часто и поэтическим даром. Обычным для них было исполнение обязанностей третейского судьи-арбитра в межплеменных спорах, они решали дела, связанные с определением племенной принадлежности отдельных лиц и целых кровно-родственных коллективов. Мерой их авторитетности была широта знания племенной поэзии, которая по общему мнению считалась наиболее важным и достоверным источником сведений о родственных и союзнических связях, наряду с историко-генеалогическим преданием. Почти обязательным требованием к бедуинскому генеалогу было умение в короткой фразе выразить самые типичные черты или свойства человека, целого племени или племенной группы. Сохранившиеся фрагменты таких афористических характеристик, составленных рифмованной прозой, давно уже привлекали внимание историков арабской литературы, как древнейшие образцы арабской художественной прозы.⁹

Распад общественных отношений, основанных на родстве по крови, ускоренный созданием мусульманской общины, идеологическая дискредитация исламом самого представления о кровнородственной связи как о единственной основе человеческой общности, предопределили падение прежней абсолютной ценности знаний племенных родословий. Общественное самосознание мусульманина формировало теперь убеждение в принадлежности своей Богу и ведомому им сообществу единоверцев. Сами по себе знания кровнородственных связей и родословий племен и родов продолжали сохраняться, однако требования к ним общества претерпели коренные изменения. Это привело к коренному изменению функции этих знаний в общественной жизни, означавшему фактически превращение их в совершенно новый вид исторической информации. Теперь они служили главным образом до-

казательству общности происхождения всех частей, образовавших новую историческую общность – арабскую народность. Этот процесс, однако, занял почти два столетия.

Два крупных, хотя и неравноценных события внутривосточной жизни раннего халифата оказали непосредственное воздействие на эту эволюцию структуры и содержания генеалогического предания и на характер деятельности его знатоков. Это было, во-первых, учреждение халифом 'Умаром особого "реестра" – дивана для выплаты жалования и пенсии мусульманам, а во-вторых, консолидация арабских племен на завоеванных территориях в крупные этно-политические объединения.¹⁰

Как известно, для установления порядка и размеров выплаты жалования мусульманам и пенсии их семьям халиф 'Умар в 20/641 г. поручил трем курайшитам, знаменитым своими познаниями в генеалогии, составить список-реестр членов мусульманской общины. Запись в реестр была произведена по племенам. Он начинался с семьи пророка и его рода, Хашим. Далее следовал перечень так наз. мухаджиров и ансаров, участников военных походов пророка, и, наконец, всех остальных мусульман по их племенам. Каждая категория лиц и каждое племя были помещены в отдельный раздел реестра – баб, выделившийся позднее в самостоятельные реестры (напр., диван-реестр племени Хуза'а, диван Хас'ам, диван Химйар и т.д.).

Этот список явился первой записью, зафиксировавшей кровнородственные и союзные отношения значительной части арабских племен. "Реестр" 'Умара хранился в Медине в резиденции халифа в специальном помещении, которое называлось "байт ал-каратис" ("дом бумаг"). Аналогичные "реестры" вскоре были составлены и в центрах провинций – в Басре, Куфе, Дамаске и в Фустате, а также в Йемене. Время от времени они обновлялись с учетом происшедших естественных изменений. Сам институт получил название "диван ал-мукатила" или "диван ал-джунд", т.е. "реестр племенных ополчений".

Учреждение "диван ал-мукатила" сыграло важную роль в возникновении арабской генеалогии как науки. Этот акт халифа 'Умара давал государственное признание родоплеменной организации арабов. А фактически и вся административно-политическая структура халифата УП в. опиралась на эту организацию. Арабы сражались, организованные по племенам, селились на завоеванных землях, сохраняя племенное деление: квартал – племя, улица – род, усадьба – семья. Новое, классовое, общество создавалось, используя родо-

племенные институты, вырастая из них.

Сохранение племенной структуры и кровно-родственного начала во внутривосточной жизни халифата сохраняло и значение генеалогических знаний. Более того. Необходимость установления генеалогического статуса рода или племени при определении размера выплат и установления принадлежности к ним того или иного лица придало знаниям родословий особую значимость, иную по своему характеру, хотя и не менее существенную, чем в доисламский период. вплоть до конца правления Омейядов, когда халифы, особенно Марван II, начали заменять племенное ополчение регулярной армией и отрядами наемников, эти знания представляли прямой экономический и социальный интерес, влияя на размер пенсионного содержания и на определение положения данного лица в социально-классовой иерархии. Экономическая заинтересованность в сведениях о родословиях стимулировала общее внимание к ним, поднимая авторитет личности знатока родословий.

В течение нескольких десятилетий знаток родословий был активной и влиятельной политической фигурой и почитался наравне с выдающимися поэтами. Их вердикт или меткая характеристика могли доставить немалые неприятности самым могущественным людям, не исключая и самого халифа. Халифы и наместники провинций приглашают их на свои приемы, вводят в интимный круг "ночных собеседников", поэты прославляют их в стихах. Это была золотая пора племенной генеалогии. И в то же время это был и ее конец. Учреждение "диван ал-мукатила" в значительной степени способствовало гибели практической племенной генеалогии, основанной на реальных родословных, и, породив бесчисленные спекуляции, подделки родословий и т.п., расчистило путь для ее замены теоретической генеалогией, которая ставила уже совсем иные задачи.

Административно-финансовое назначение "реестров" в принципе предполагало фиксацию реальных родословий. Практика оказалась иной. Чиновники "диванов" из корысти или руководствуясь интересами межплеменной и узко-партийной борьбы сочиняли подложные родословия и вносили в "реестры" племен имена лиц и группы, не имевшие к данному племени ни малейшего отношения.

Практика чиновников "диван ал-мукатила" создала прецеденты и для многих знатоков родословий. Необходимость уточнения спорных генеалогий, установление забытых или запутанных родословий, определение племенной принадлежности отдельных лиц, заявлявших иногда фантастические притязания, заставляла обращаться к ар-

битражу прославленных знатоков племенных родословий. Поиски решения таких споров нередко вынуждали арбитров встать на путь генеалогического "творчества". Они сочиняли родословия людей, часто не принадлежавших ни к какому племени, подкрепляя свои выкладки сфабрикованными стихами, приписывая тот или иной род к большому племени только потому, что он сражался в его рядах, выносили бездоказательные решения, совершая и невольные ошибки. Все это вносило хаос в и без того бесформенную массу генеалогического материала.

Другим событием, оказавшим влияние на характер и направление эволюции племенной генеалогии, явилась консолидация аравийских племен в большие этно-политические группировки, объединения и союзы. Начало этой консолидации положила племенная группа Бакр б.Ва'ил, объединившаяся в 38/658 г. с рядом родственных племен в Басре и ее окрестностях в большой племенной союз, получивший наименование Раби'а. Аналогичный племенной союз Мудар возник в Куфе.¹¹ Все это сопровождалось яростным соперничеством и ожесточенными, а временами и кровавыми, столкновениями, отражавшими борьбу за власть между различными политическими группировками в халифате.

В развернувшихся спорах о превосходстве одного племени над другим знатоки родословий приняли самое активное участие. В последний раз они выступили в роли представителей своих племен. Защищая честь племени, они пустили в ход весь запас своих знаний и все свое искусство ораторов и полемистов, имевшее многовековую традицию. Халифы и наместники устраивали на своих приемах диспуты между представителями враждующих групп и каждый из споривших демонстрировал не только свою память на родословия и поэзию, но также и свое искусство генеалогического "творчества". Полемический пыл толкал к созданию фикций для обоснования генеалогических и политических притязаний той или иной группы. Особенно значительным по масштабу было соперничество между так наз. северно-арабским и сложившимся в 80-х гг. УП в. южно-арабским объединениями племен. Именно в этот период была создана значительная часть фикций, заполнявших верхние звенья генеалогических рядов обеих группировок, и пущено в обращение в качестве аргументов множество подложных стихов, приписанных не только легендарным прародителям и эпонимам племен, но также и знаменитым поэтам древности. Центрами генеалогического творчества стали Басра, Куфа, Дамаск и Химс. К знатокам родословий присоединился в

этом деле и ряд выдающихся поэтов того времени.

Наконец, еще один момент сыграл значительную роль в эволюции содержания и структуры генеалогических знаний доисламской Аравии: бурно развивавшаяся экзегетика искала в генеалогии дополнительные аргументы для своих историко-религиозных построений, подготовивших создание мусульманской концепции всемирной истории. Как показывают материалы о курайшитских знатоках родословий, главную работу в этом направлении осуществили генеалоги Медины, часто бывшие одновременно и создателями мусульманского историко-религиозного предания.

Одним из первых попытку создания генеалогического древа арабов, возводимого от легендарных прародителей арабов и эпонимов племенных объединений к библейским пророкам и от них к Адаму, предпринял выдающийся знаток родословий и оратор племени Шайбан б.Зухл из союза Бакр б.Ва'ил басриец Дагфал б.Ханзала аш-Шайбани, умерший в 65/684 г. Аналогичные попытки делали и йеменитские генеалоги в Сирии, а в своем окончательном виде эта генеалогическая схема была выработана и канонизирована генеалогами и экзегетами Медины и Ирака (в Басре и в Куфе). Ее появление ясно свидетельствовало о формировании новой этно-социальной общности, принявшей около середины VII в. самоназвание "арабы". Своим содержанием она устанавливала место этой общности в ряду древних так наз. "исторических" народов. Как общепризнанная она фигурирует уже в середине VIII в. В таком виде она была воспринята историками, послужив им моделью для схемы всемирной истории. Наиболее ранней сохранившейся версией генеалогического древа арабов и вместе с тем самым полным сводом историко-генеалогических преданий аравийских племен остается "Джамхарат ан-насаб" (или "Джамхарат ансаб ал-'араб", "Свод родословия" или "Свод родословий арабов") Мухаммада б.ас-Са'иба ал-Калби (ум.в 146/763г) в редакции и с дополнениями его сына Хишама ал-Калби (ум. около 204/819 г.).

Таковы были основные факторы и условия возникновения теоретической генеалогии, переработавшей и переосмыслившей в соответствии с новыми требованиями к генеалогическим знаниям и под воздействием новых социальных и политических процессов грандиозный материал существовавших автономно племенных родословий и связанных с ними преданий. Мединские генеалоги и Дагфал аш-Шайбани стоят у начала этого процесса. С их деятельностью связаны и первые достижения теоретической генеалогии, сыгравшей важную

роль в становлении мусульманской исторической науки. Венцом этого процесса была занявшая целое столетие деятельность по собиранию и систематизации накопленного материала о родословиях и преданиях аравийских племен Мухаммада ал-Калби и его сына, первого великого полигистора в арабской литературе, Хишама ал-Калби.

I I. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, Halle, 1888, Bd I, S. 177 fb.; W. Caskel, *Ġamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišam ibn Muhammad al-Kalbi*, Bd I, 1960, S. 24.

2 Goldziher, *Muhammedanische Studien*, I, 178-180; Caskel, *Ġamharat an-nasab*, I, S. 39-40.

3 Caskel, *ibid.*

4 Абу'Убайдаллах ал-Марзубани, *Му'дjam аш-шу'ара'*, нашр (Ф. Кренков), ал-Кахира, 1933, с. 347.

5 ал-Джахиз, *Китаб ал-байан ва-т-табийн, тахкик ас-Сандуби*, I, ал-Кахира, 1932, с. 202, 221, 281-282; его же, *Китаб ал-хаййаван, тахкик 'Абд ас-Салам Мухаммад Харун*, III, ал-Кахира, 1938, с. 209-210.

6 Ибн Кутайба, ал-Ма'ариф, нашр Сарват 'Акша, ал-Кахира, 1960, с. 534-539.

7 Ibn Nadim, *Kitab al-Fihrist*, hrsg. von G. Flügel, I-II, Leipzig, 1871-1872, S. 89-90.

8 F. Wüstenfeld, *Die Geschichtsschreiber der Araber und ihre Werke*, Göttingen, 1882, S. 2-4.

9 И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. IV, М.-Л., 1957, с. 57-58.

10 H. Lammens, *Études sur le règne du Calife Omayyade Mo'âwia I-er*, Beyrouth, 1908, p. 354-355; Goldziher, *ibid.*, S. 181 fb.; R. Blachère, *Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XV-e siècle de J.-C.*, I, Paris, 1952, p. 94; Caskel, *ibid.*, S. 27 fb.

II Caskel, *ibid.*, S. 31-35.